

Саре Калифорния

«Нравится мне здесь в са-
рае», — сказал Уилбур.

«Люблю все, что связано с
этим местом».

Э. Б. Уайт.

«Паутина Шарлотты»

ПРОЛОГ

Мистеру Эймосу Глассу

Линз-Маунтин, Северная Каролина

16 июня 1924

Дорогой мистер Гласс.

С тяжестью на сердце пишу я вам сегодня, ибо сына вашего, Джима Гласса, двадцати трех лет отроду, господь забрал к себе. Немногим более недели тому назад Джим ушел утром работать на хлопковое поле, но в полдень домой не вернулся. Там же в поле мой брат Эл нашел его, уже мертвого. Доктор сказал, что у него не выдержало сердце, но он недолго страдал. Я знаю, что и мать Джима умерла так же и в молодом возрасте. Это очень прискорбно, что вам приходится получать второй раз в жизни такую новость. Я искренне вам сочувствую.

Как вам известно, Джим был женат на моей сестре Элизабет, которую все знают как Сисси. Она переживает смерть Джима особенно тяжело и сейчас чувствует себя плохо. Так как вы последние несколько лет с Джимом жили порознь, она попросила меня

не писать вам сразу, а подождать, пока его похоронят, и я уважил ее просьбу, ибо она супруга умершего. Так же, в соответствии с ее желанием, мы похоронили Джима по христианскому обряду, в том самом поле, где он упал. Заказали соответствующий камень на место его последнего пристанища, а также ограду, чтобы отделить могилу от внешнего мира. Мне очень жаль, что вам не представилась возможность уладить те разногласия, которые были у вас с Джимом. Я любил Джима как родного брата и благодарю господу за то драгоценное время, когда он, будучи членом нашей семьи, жил с нами. В эти печальные дни я также часто вспоминаю те случаи, когда мог бы проявить более терпения и доброты, чем тогда выказывал. Молюсь сейчас о том, чтобы умирая он не держал против меня зла на сердце.

Но пора гнать печаль прочь!

Я сегодня пишу вам, чтобы поделиться и другой, чрезвычайно радостной новостью. Сисси родила вчера сына, вашего внука, которого в память об отце назвала Джимом Глассом. Джим замечательный ребенок, с хорошим весом, желтыми волосиками, и легкие у него — будь здоров! И хотя в нашем доме сейчас царит скорбь, появление Джима напомнило нам, что жизнь продолжается и, по велению господу, нам должно трудиться, даже когда мы в печали и не понимаем Его судьбоносного плана. Каждый крик Джима — это призыв к каждому из нас делать все, что в наших си-

лах. Это еще и напоминание о любви нашего Спасителя. (Насколько тяжелее было бы наше горе, не будь с нами Джима!) Как я уже ранее упоминал, Сисси не очень хорошо себя чувствует, и в таком состоянии в настоящий момент не может принимать посетителей. Надеюсь, что в будущем наступит тот момент, когда вы встретитесь со своим внуком и он облегчит ваше горе так же, как сейчас наше.

Мистер Гласс, я клянусь вам, что мы будем воспитывать Джима в кругу нашей семьи и постараемся, с божьей помощью, вырастить его таким, каким хотел бы видеть его отец. Джим был добрым человеком, хорошим христианином, работал не покладая рук. Он — часть нашей семьи, он был и вашей частицей, и, пока сын его ходит по этой земле, имя его не будет забыто.

Надеюсь, что письмо это найдет вас в добром здравии и та радость, которую оно содержит, облегчит горе, которое вы переживаете в данный момент, тяжесть которого трудно себе представить.

Искренне ваш,
Зино Макбрайд (шурин Джима)

КНИГА I

МАЛЬЧИК, У КОТОРОГО
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Завтрак

Нечто, подобное чуду, произошло в эту ночь: возраст Джима стал обозначаться двузначным числом. Когда он ложился спать, ему было девять, а проснулся уже десятилетним. Казалось, эта цифра имела свой вес, и его Джим расценивал как подарок. Теперь у него, как и у родных дядей, возраст имел две цифры. Он улыбнулся, потянулся, вдохнул свежий утренний воздух и уловил запах очага, аромат печеного хлеба, прохладный речной запах росы. Нечто, не похожее на утренний свет, заглянуло в окно комнаты, а некто, не похожий на темноту ночи, уставился на него во все глаза. Уставшего от пения сверчка сморил сон: он работал всю ночь. Джим поднялся, чтобы встретить поджидавший его день.

Мама Джима открыла заслонку кухонным полотенцем. Мама была высокой, бледной, привлекательной, со стройной белой шеей. Хоть ей не было еще и тридцати, она носила черную длин-

ную юбку, которая принадлежала когда-то ее матери. Из-за этого наряда она не казалась старше, но люди, находившиеся с ней в комнате, вели себя скованно. Им казалось, будто эта женщина сошла с какой-то старинной фотографии. В те дни, когда мама надевала эти длинные одежды, Джим придерживал вторую дверь, ту, что с сеткой от насекомых, чтобы она не хлопала.

— Ну вот и он, — сказала мама. — Мальчик, у которого день рождения.

Сердце Джима мгновенно взлетело, совсем как клочок бумаги при дуновении ветра, и тут же опустилось на землю. Любовь к матери дополнялась соперничеством, которое — и Джим чувствовал это — не оставляло его никогда. Со смертью отца в матери что-то надломилось, и исправить это было невозможно. Она тянула за собой тяжесть постигшего ее горя, как волочат плуг. Дяди, женщины в церкви, люди в городе давно уже отказались от попыток уговорить ее оставить этот плуг там, где он лежит. Вместо этого они привыкли просто переступать борозды, которые этот плуг оставлял, либо проходить между ними. Джим знал только одно: маме тяжело, и он играет в ее горе определенную роль. Когда она наклонилась над ним, чтобы поцеловать, щеки ее пахли сиренью так сладко и в то же время так грустно, как свежеперевернутая земля когда-то в церковном дворе.

— О, Джимми, — сказала она, — как это так получилось, что тебе уже десять лет?

— Я и сам не знаю, мама, — ответил Джимми. Он и по правде не знал. Был так же изумлен этим фактом, как и она. Вот он уже прожил десять лет. А отца его, которого тоже звали Джим Гласс, вот уже десять лет и неделя как нет в живых. Было о чем поразмыслить до начала завтрака.

Мама вынула из печи хлеб и положила его в соломенную корзину. Джим понес корзину в столовую. Дяди сидели у длинного стола.

— А это кто такой? — спросил дядя Корэн.

— Не знаю, — отозвался дядя Эл.

— Кто бы он ни был, — заметил дядя Зино, — выглядит он забавно.

— Вы ж все знаете, кто я, — сказал Джим.

— Не стал бы этого утверждать, — ответил дядя Корэн.

— Я Джим.

— Это как это? — удивился дядя Эл.

— Да ладно вам, — сказал Джим.

Дяди Джима были высокими, худошавыми мужчинами, широкоплечими, с большими руками. Каждое утро они все вместе съедали две дюжины лепешек, омлет из дюжины яиц и тарелку ветчины. После этого они пропускали по кружечке черного кофе и высокому стаканчику парного молока.

— Эти лепешки ты там взял? — спросил дядя Зино.

Джим кивнул.

— Тогда присаживайся.

Во всем, что Джим ни делал, он старался подражать дядям. Он поедал лепешки и яйца до того момента, когда начинал понимать, что его может стошнить. Когда дядя Зино в конце концов заметил: «Не хватит ли тебе наворачивать, Док?» — Джим опустил вилку, будто получил на то разрешение.

Дядя Зино был старшим дядей Джима. Ему перевалило за сорок. Дяди Корэн и Эл были близнецами. Каждый из них клялся, что не похож на другого, хотя, ясное дело, это было неправдой. Они выглядели абсолютно одинаково, если не знать их как следует. Но даже те, кто знал, случалось путали их. Никому из дядей не казалось смешным, что они жили в одинаковых домах. Дяди Эл и Корэн построили их, когда еще были молодыми, но, как и дядя Зино, так никогда и не женились. В большинстве комнат у них и мебели-то не было; кухонная плита имелась только в доме у дяди Зино.

Мама Джима готовила и стирала на всех. Когда она сказала, что это для нее слишком трудно, дяди наняли еще одну женщину ей в помощь. Дядя Корэн заправлял продуктовой лавкой и хлопкоочистительной машиной. Дядя Эл управлялся

на фермах. Дядя Зино работал на фермах вместе с дядей Элом и по утрам в воскресенье запускал мельницу. Будучи главой семьи, он присматривал за всеми остальными. Время от времени дяди злились друг на друга, и на несколько дней дядя Эл и дядя Корэн удалялись в свои дома сразу же после ужина. Там они и сидели, каждый у своего очага, каждый на своем крыльце, и советовались сами с собой, пока гнев не утихал. Хотя в общем-то все в семье ладили друг с другом, так что грубые слова непривычно резали ухо Джиму, все равно как гимн, сыгранный не в том ключе.

Джим похлопал себя по животу:

— Теперь я продержусь до обеда, — сказал он.

— Ты основательно подкрепился, — сказал дядя Корэн.

— Понятно, — сказал Джим, — мне ж теперь десять лет.

— Ну-ну, — проговорил дядя Эл.

— Я тут подумал, что мне пора уж выходить на работу вместе с вами, — заявил Джим.

— Гм, — сказал дядя Зино.

— Я подумал, может, я буду полезен. Смогу рыхлить кукурузу.

— Мы вообще-то принимаем помощь только из надежных рук, — заметил дядя Зино. — На тебя можно положиться?

— Да, сэр, — ответил Джим.